

истолкованный в экзегетически-христианском духе. Если мы подчеркиваем «в экзегетически-христианском духе», мы легко склоняемся к гипотезе о близости славянской проложной притчи к Вавилонскому Талмуду. Но сопоставление этих толковательных частей текстов показывает, наоборот, близость проложной притчи к тексту «Тысячи и одной ночи». Как в проложной притче, так и в тексте из «Тысячи и одной ночи» почти одинаково толкуется аллегорическое значение слепого и хромого, сада и его хозяина.

Из указанных сопоставлений можно сделать вывод, что в семиотическом аспекте текст «Тысячи и одной ночи» имеет более близкие черты с древнерусской притчей, чем текст Вавилонского Талмуда.

© С. А. Фомичев

К ИСТОЛКОВАНИЮ ПУШКИНСКОГО НАБРОСКА «КРИТОН, РОСКОШНЫЙ ГРАЖДАНИН...»

Фронтальное обследование пушкинских текстов, предпринятое в связи с подготовкой нового академического Полного собрания сочинений, обнаруживает немало лакув в обширной пушкиноведческой литературе: отсутствие элементарного комментария к ряду замыслов, позволяющего дать их корректную интерпретацию. Так произошло и со стихотворным наброском 1829 года:

Критон, роскошный гражданин
Очаровательных Афин,
Во цвете жизни предавался
Всем впечатленьям бытия.
Однажды, — слушайте, друзья, —
Он по Керамику скитался,
И вдруг из роцци вековой,
Красою девственной блистая,
В одежде легкой и простой
Явилась нимфа молодая.
Пред банею, между колонн,
Она на миг остановилась
И в дом вошла. Недвижим он
Глядит на дверь, куда, как сон,
Его красавица сокрылась.¹

Текст этот был начерно записан поэтом в Первой Арзрумской тетради (ПД 841),² которая была заведена для дневника о путешествии на Кавказ, открываясь записью от 15 мая 1829 года. Одновременно тетрадь начала заполняться и с конца автографами стихотворений: «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» (л. 128 об.), «Калмычке» (л. 127 об.), «Фазил-хану» (л. 127), — все эти записи Пушкин сделал, не переворачивая тетради верхом вниз, а просто отлистывая с конца тетради очередные страницы. Однако на л. 123, перевернув тетрадь верхом вниз и отлистнув от ее конца несколько страниц, Пушкин в левом углу страницы записывает:

¹ Пушкин. Полн. собр. соч. [М.; Л.]: Изд. АН СССР, 1948. Т. 3. С. 164. Далее ссылки на это издание даются в тексте (том, страница).

² Т. е. Пушкинский Дом. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 841. См. также факсимильное издание: Пушкин А. С. Рабочие тетради. СПб.; Лондон, 1997. Т. 7.

14 июля — чума

и начинает работу над процитированным нами выше стихотворным наброском.

Сразу же подчеркнем, что помета о чуме наверняка должна была как-то соотноситься со стихотворным замыслом.³ В качестве собственно дневниковой записи она была бы в данном случае явно не на месте, так как журнал путешествия велся последовательно в начале тетради ПД 841, а не с ее конца.

Для того же чтобы осмыслить ассоциативный ход мыслей поэта, ведущий от арзрумских впечатлений к опосредованному их отражению в сюжете начатого произведения, обратимся прежде всего к соответствующему эпизоду «Путешествия в Арзрум»:

«Война казалась кончена. Я собирался в обратный путь. 14 июля пошел я в народную баню и не рад был жизни. Я проклинал нечистоту простынь, дурную прислугу и проч. Как можно сравнить бани арзрумские с тифлисскими!

Возвращаясь во дворец, узнал я от Коновницына, стоявшего в карауле, что в Арзруме открылась чума. Мне тотчас же представились ужасы карантина. И я в тот же день решил оставить армию. Мысль о присутствии чумы очень неприятна с непривычки. Желая изгладить это впечатление, я пошел гулять по базару. Остановясь перед лавкою ружейного мастера, я стал разглядывать какой-то кинжал, как кто-то ударил меня по плечу. Я оглянулся: за мной стоял ужасный нищий. Он был бледен как смерть; из красных загноенных глаз его текли слезы. Мысль о чуме опять мелькнула в моем воображении. Я оттолкнул нищего с чувством отвращения неизъяснимо-го и воротился домой очень недовольный своею прогулкою.

Любопытство однако ж превозмогло; на другой день я отправился с лекарем в лагерь, где находились зачумленные. Я не сошел с лошади и взял предосторожность стать по ветру. Из палатки вывели нам больного; он был чрезвычайно бледен и шатался, как пьяный. Другой больной лежал без памяти. Осмотрев чумного и обещав несчастному скорое выздоровление, я обратил внимание на двух турков, которые выводили его под руки, раздевали, щупали, как будто чума была не что иное, как насморк. Признаюсь, я устыдился моей европейской робости в присутствии такого равнодушия и поскорее возвратился в город» (VIII, 481—482).

Нельзя не заметить, как мало житейской логики во всех описанных здесь поступках поэта. Здравый смысл подсказывал ему немедленно оставить зачумленный город. Вместо этого (чтобы изгладить впечатление о присутствии чумы!) путешественник отправляется... на базар, в скопище людское! Мало того: столкнувшись там с больным, он на следующий день (из любопытства!) посещает лагерь зачумленных. Правда, он берет некоторые меры предосторожности. Но поражается хладнокровию турков-санитаров и стыдится своей «европейской робости».

Спустя год, в Болдине, личные впечатления от посещения лагеря в Арзруме будут отчасти отражены в стихотворении «Герой»:

...Не та картина предо мною!
 Одров я вижу длинный строй,
 Лежит на каждом труп живой,
 Клейменный мощною чумою,
 Царицею болезней... он,
 Не бранной смертью окружен,
 Нахмурился бродит меж одрами,
 И хладно руку жмет чуме,
 И в погибающем уме
 Рождает бодрость... Небесами
 Клянусь: кто жизнью своей
 Играл пред сумрачным недугом,

³ Сходный случай: автограф стихотворения «Стамбул гяуры нынче славят...» (ПД 971), в верхнем левом углу которого также имеется автобиографическая помета.

Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой...

(III, 252)

Если наше предположение о соотносительности автобиографической пометы со стихотворным замыслом справедливо, то и в древнегреческом, афинском колорите должна была быть запечатлена сходная ситуация: столкновение афинянина, вышедшего на прогулку, с чумной заразой. Проследим движение намеченного замысла.

Первоначально герой отправлялся вслед за нимфой в Пирей, афинскую гавань:

Уж он влюблен, уж он горит
и к Пирею
Поспешно⁴ следует за нею —

Но, убыстряя развитие сюжета стихотворной бытовой сказки, conte (жанр произведения, на наш взгляд, самоочевиден), Пушкин решает определить местом действия баню, которая расположена в Керамике, близ некой «рощи вековой». Реальный комментарий к сохранившемуся отрывку будет дан ниже. Пока же отметим, что только тогда в биографическую помету в верхнем углу страницы вносится вставка и вся помета приобретает следующий вид:

14 июля — Арзр. (умская) баня — чума —

О чем же собирался далее рассказать Пушкин?

«Стихотворение, как и вставка (вверху, в биографическую помету. — С. Ф.), — полагает Я. Л. Левкович, — вызваны одним событием — посещением арзрумской бани (...) Обращает внимание (в «Путешествии в Арзрум». — С. Ф.) сравнение арзрумских бань с тифлисскими (...) С воспоминанием об этом эпизоде и связан отрывок „Критон, роскошный гражданин“. Житель столицы (Афин) попадает в другой город (Керамик) и оказывается перед входом в баню, куда направляется „нимфа молодая“. Собственно, пушкинская ситуация облекается в античный маскарад, а все стихотворение окрашивается легкой шутливой интонацией (как и весь эпизод с тифлисскими банями в «Путешествии»)».⁵

Но Керамик вовсе не другой город, а предместье тех же Афин.⁶ Описание же в «Путешествии в Арзрум» тифлисской бани в женский день ничего общего не могло иметь с общественными античными банями, в которые женщины (во всяком случае, свободные женщины, а не рабыни) вообще не допускались.⁷ В пушкинской сказке недаром речь идет о нимфе. Она вошла в баню — но с какой целью? Было бы неверно предположить, что она собиралась там помыться.

Все встает на свои места, когда мы примем во внимание хронотоп пушкинского замысла.

Эпитет, данный Афинам («очаровательные»), достаточно точно, на наш взгляд, определяет подразумеваемое историческое время: эпоху наибольшего расцвета этого древнегреческого полиса, его золотой век, век Перикла (V век до н. э.).

⁴ В Большом академическом издании (см. III, 738) это слово прочитано неточно («Прилежно»).

⁵ Левкович Я. Л. Кавказский дневник Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 10. С. 10.

⁶ Это отмечено в «Указателе имен» Справочного тома (см. с. 237).

⁷ «Ничто не может равняться тому строгому надзору, с каким наблюдали за девицами, коих жилища находились в самой отдаленной и неприступной части дома. Так же строго поступали и с замужними, которым не было позволено выходить далее преддверия. Что касается до матерей семейства, то они пользовались большею свободой: но вообще женщины не могли являться в народе, и никогда без покрывала» (Ручная книга древней классической словесности, собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. СПб., 1817. Т. 2. С. 268).

Керамик же исторически — это дем в Аттике, область которого обнимала северо-западную часть Афин и ее окрестностей. Через Дипилонские ворота, связывавшие городскую и внешнюю части Керамика, шел путь на Пирей; дорога, сразу же за воротами, была обрамлена стеллами в честь погибших героев.⁸ Далее располагалось излюбленное место отдыха горожан.⁹ Глагол «скитался», употребленный в стихотворном наброске, определенно свидетельствовал, что имеется в виду внешняя, находящаяся за городскими воротами часть Керамика. «Роща вековая», из которой является нимфа, окружала могилу и храм героя Академа. Из Плутарховых сравнительных жизнеописаний Пушкину могло быть известно, что «место Академия было в шести стадиях от Афин и заключало в себе гимназию и сад, окруженный стеною, с крытыми аллеями. Под тению платанов и других деревьев протекала речка».¹⁰

Н. Ф. Кошанский же сообщал лицеистам, что гимназии, или школы для упражненных телесных, «состояли из разных зданий, приспособленных к одному предмету. Там находились и другие здания (...) Колоннады (Портики или Галереи) были обыкновенные и весьма значащие здания (...) Они строились или отдельно, или примыкали к другим зданиям, как-то: к храмам, театрам, баням, площадям. Колоннады служили защитой от дождя и зноя, местом общенародного гуляния и свидания с друзьями; в них-то философы преподавали свое учение...».¹¹

Итак, становится понятным, где и когда должно было происходить событие в произведении Пушкина. Но какое событие?

Помета с упоминанием арзрумской чумы позволяет нам представить, что в данном случае могло иметься в виду. Дело в том, что одним из самых памятных событий в Афинах эпохи Перикла была эпидемия чумы, разразившаяся в 430—429 годах до н. э. О ней упоминал, в частности, Плутарх в жизнеописании Перикла — со ссылкой на очевидца, Фукидида.

«Впервые, как передают, — рассказывал историк, — болезнь началась в Эфиопии. Совершенно внезапно болезнь вспыхнула также в Афинах: первые случаи появились среди населения Пирея»;¹² «Это постигшее афинян бедствие отягчалось еще наплывом беженцев из всей страны и особенно страдали от болезни вновь прибывшие. Жилищ не хватало (...) сами святилища с храмовыми участками, где беженцы искали приют, были полны трупов, так как люди умирали и там. Ведь, сломленные несчастьем, люди, не зная, что делать, теряли уважение к божеским и человеческим законам...».¹³

Нам представляется, что прояснение реалий пушкинского текста (вместе с биографической пометой, ему предшествующей) помогает понять, на чем должен был держаться сюжет пушкинского наброска.

Текст обрывается на том, что нимфа, поразившая воображение «роскошного гражданина», скрывается за дверями бани, которая, как становится понятным, входила в комплекс зданий в Академии. Ясно, что герой должен был последовать за нимфой. По закону стихотворной сказки там его должно было поджидать нечто неожиданное. Не колония ли больных, нашедших приют в Академии? Появление нимфы в столь необычном месте, вероятно, можно объяснить тем, что эти божества в мифах наделялись врачующим даром.

⁸ Между прочим, в «Путешествии в Арзрум» Пушкин описал свое посещение арзрумского кладбища.

⁹ Впоследствии (в 388—387 годах до н. э.) Платон основал здесь свою Академию.

¹⁰ Плутарховы сравнительные жизнеописания славных мужей. СПб., 1815. Ч. 3. С. 69.

¹¹ Ручная книга... Т. 1. С. 211—212. Между прочим, И. И. Пущин, вспоминая о поступлении в Лицей, отмечал, что это новое заведение «самим своим названием поражало публику в России, — не все тогда имели понятие о колоннадах и ротондах в афинских садах, где греческие философы научно беседовали со своими учениками» (Пущин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 1. С. 61).

¹² Поэтому, вероятно, Пушкин вначале и намеревался отправить своего героя в Пирей.

¹³ Фукидид. История. Л., 1981. С. 84, 86.

Русская литература

№ 4

Историко-литературный журнал

2001

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Н. С. Никитина. Статья Тургенева «По поводу „Отцов и детей”» и черновая рукопись романа	3
С. П. Степанов. О субъективации чеховского повествования	16
А. Н. Розов. Заметки о церковной критике второй половины XIX—начала XX века (образ священника в русской литературе)	32
Н. А. Молчанова. Аполлоническое и дионисийское начало в книге К. Д. Бальмонта «Будем как солнце»	51
Е. К. Соболевская (Украина). Минус-стих, его природа и онтологические основания (к вопросам метафизики стиха)	68
Ольдржих Рихтерек (Чешская Республика). Чешское восприятие русской литературы в контексте XX века	83
Р. Ю. Данилевский. Русская литературная мысль и наследие Г. Э. Лессинга	90

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Со Сон Джонг (Республика Корея). Об источниках притчи о слепце и хромце в древнерусской письменности	109
С. А. Фомичев. К истолкованию пушкинского наброска «Критон, роскошный гражданин...»	114
К. И. Шарафадина. Игра «во вкусе госо-со» в мадригале Пушкина «Красавице, которая нюхала табак» (1814)	118
Э. Э. Найдич. Очерк Лермонтова «Кавказец» в свете полемики вокруг «Героя нашего времени»	141
Б. В. Мельгунов. О первых юбилеях русских писателей (И. С. Тургенев, А. Н. Островский, Н. А. Некрасов)	148
О. Н. Кулишкина. Козьма Прутков в истории русской афористики	153
Ли Су Ён (Республика Корея). «Бездна безымянная» в философской лирике Ф. И. Тютчева	162

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«НАУКА»